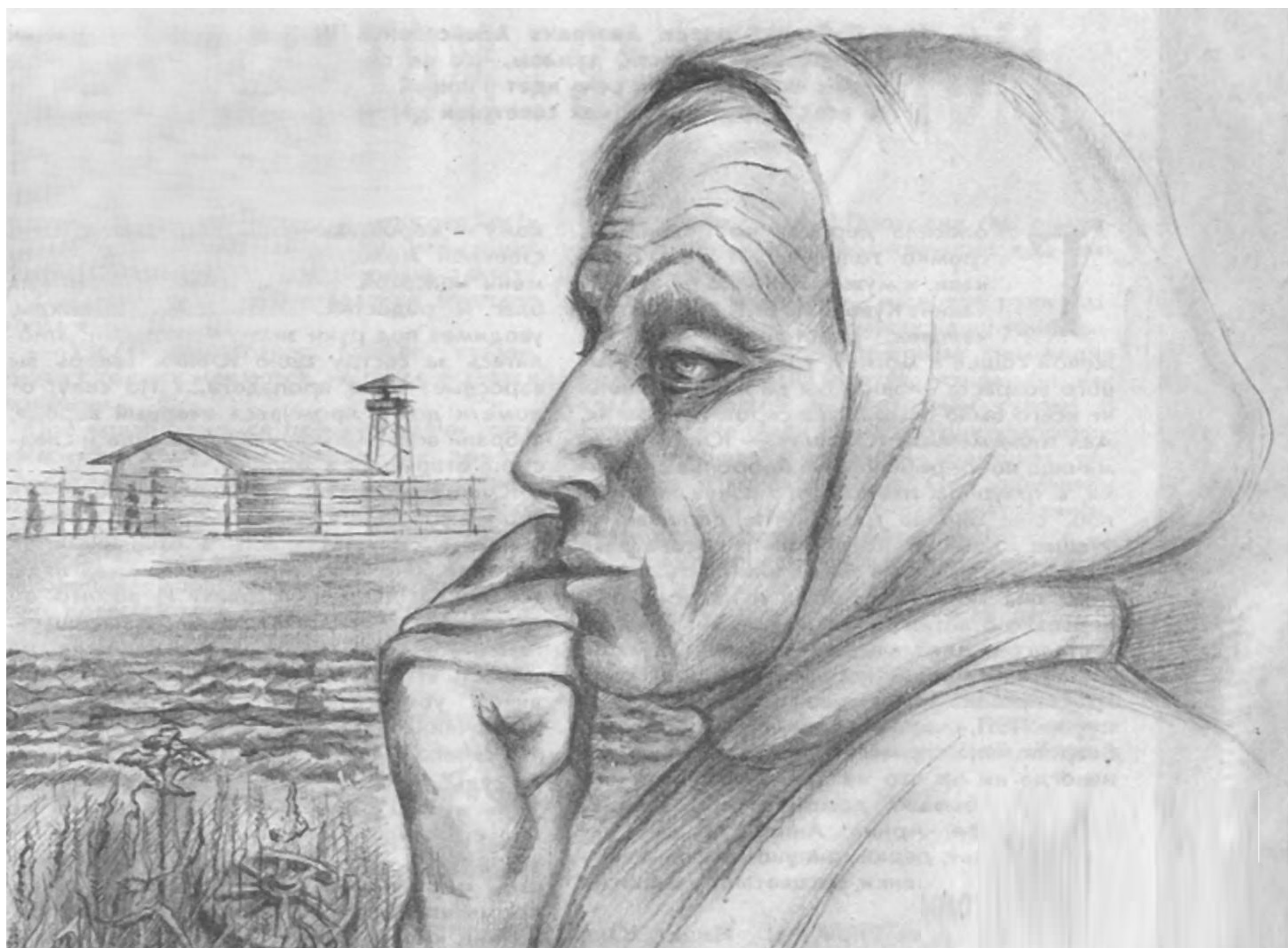
С крестом за Христом

«Я тридцать лет состоял членом КПСС. Верил в ее идеалы. Беспрекословно выполнял все ее поручения. Я не сомневался, что «религия — опиум для народа». Все эти годы я не знал того, что знаю сегодня. Варварское уничтожение и ограбление церквей, богохульство, граничащее с хулиганством, истребление верующих — это ли не изуитство?! Мне стыдно за партию, в которой я состоял, на алтарь которой отдал сердце, обманувшись в своих искренних надеждах, в вере своей. Прости меня, Господи! Но мне не безразлична духовность человеческая. В душах наших, — верующих ли, неверующих, — произрастет ли добро, воссияет ли свет или заполонит ее чертополох мирских сует, пригнет угрызениями совести?.. Меня глубоко взволновала судьба этой русской великомученицы.»

Публикуя очерк Анатолия Алексеевича Шишкина из г. Осинники из Кемеровской области, думаем, что он сможет удовлетворить и души наших читателей, ибо речь идет о живой спасительной вере, закаленной во всех ветрах и штормах советской действительности.

Голосила деревня по покойнику, громко голосила. И бабы плакали, и мужики. Жалко односельчанина Кувокина. Безобидный был человек, работящий; вслед за женой сошел в могилу, хотя и не преклонного возраста — жить бы да жить. А жальче всего было оставшихся сирот. Пятеро их, мал мала меньше; старшая — Юлия — сама еще почти ребенок. Не проронив слезинки, в траурном платке, туго повязанном на лоб, шла она за гробом, поддерживая и утешая

малышей. Когда кто-то посоветовал отдать ребятишек в люди или сдать в детдом, она замахала руками и не по-детски серьезно ответила: «Бог не простит такого». И стала она для малышей нянькой и мамкой, утешительницей и кормилицей. Этот свой крест пронесла она через гражданскую войну и НЭП, через коммуны и колхозы, безропотно, стоически пронесла, никому никогда ни на что не пожаловавшись.

Придет, бывало, домой вечером, крикнет: «Марфа, Арина, Анна, где вы?» — из-под тряпья, дерюг, зипунов высовываются детские головенки, расцветают улыбки на лицах.

— Наша Юля пришла! Наша Юля пришла!!

Пригладит она им головы, поставит на стол нехитрую снедь: «Ешьте!». А сама упадет на колени: «Услышь меня, Господи! Помоги мне, Господи, дай силу мне, Господи, не познать отчаяния!» — шепчет пересохшими губами. И легче становится, будто тяжесть с души камнем сваливается. Жилось бедно. «Юлия, ты пойдешь христославить? — вопрошали малыши, — сейчас многие просят милостыню...» «Нет. Разве вы не ели вчера, разве я не прокормлю вас сегодня?!» — обрывала, чтобы не разрыдаться, старшая сестра. Она была стойкая. Не позволяла себе слабость. Это знали односельчане. И часто ребятишки, выбегая из дома, на крыльце, на завалинке находили тощие свертки с крупой, сухарями, печеной картошкой — тайное подаяние великодушных соседей. Юлии они об этом не рассказывали.

Она не просто выходила, вырастила их; она замуж выдала сестер, не с пустыми руками из дома проводила, с полными сундуками. Кому лошадь дала в приданное, кому — корову. А заплачено за все это собственной молодостью, увядшей без времени красотой. И не познала она земных благ и радостей. И крикнула однажды, уводимая под руки энкэвэдэшниками: «Молитесь за сестру свою Юлию. Теперь вы взрослые — не пропадете...» По селу, от дома к дому, промчался «черный ворон», забрали всех верующих; и без суда и следствия отправили в тюрьму.

Юлии Николаевне Кувокиной определили срок заключения — семь лет. «Господи, дай мне силу не впасть в отчаяние!» — шептала она под насмешливые взгляды конвоиров: ишь, неистовая! И во что ей оставалось верить? Маме не пожалишься, тетя не утешит, на Бога вся надежда, на милость Его. Ей предстояло жить среди жуликов, убийц, проституток, политических заключенных, не отрекаясь от веры, не роняя своего достоинства, смирившись со своей судьбой. Шел 1934 год. «Отцу всех народов» нужны были высокие показатели по индустриализации страны, для укрепления авторитета, для подтверждения мудрости его, и строились, где надо и не надо, промышленные предприятия-гиганты; объявлена коллективизация — и повсеместно вырастали, как поганки, колхозы. Требовалось снижение числа верующих — и их упрятывали в тюрьмы и ставили к стенке. И рапортовала, громыхала о достигнутых успехах коммунистическая партия.

Юлия Николаевна никуда не писала жалоб, не надеялась на амнистию. От звонка до звонка отбыла семь лет заключения. Бог не оставил Своей милостью, ответил на молитвы: начальник лагеря, уверившись в ее безвредности и добропорядочности, поручил ей воспитание своих детей. Его часто переводили из лагеря в лагерь, и за ним непременно следовала Юлия.

А потом были месяцы страшной Ленинградской блокады, нечеловеческие мучения, безотрадные послевоенные будни. Будто чрез все круги адовы прошла она в жизни своей.

В конце шестидесятых ее навестил племянник, сын младшей сестры — Владимир Васильевич Антонов, шахтер из Кузбасса. До ее домика добрался поздно ночью. На стук долго не отвечали, будто в доме никого нет. Затем окно тускло засветилось и

за дверью послышалось: «Кого послал Бог?»

— Это я, тетя Юля, твой племянник Вовка, сын сестры Анны. Помнишь такого?

Загремела щеколда и хозяйка впустила гостя в дом.

— Узнала твой голос, Володя, узнала. Люди с годами меняются, но голос остается прежним...

При колеблющемся пламени свечи гость ужаснулся тому, что увидел. Он помнил хлопотливую тетю Юлю, в ее колени он часто прятал голову и становилось спокойно-спокойно. Перед ним был человеческий обрубок — без ног, с седой, как у луня, головой и сморщенным лицом. Это была тень прежней тети Юли. Только глаза оставались прежними: живые, добрые, будто рассвеченные изнутри. Спокойным голосом она сказала:

— Не пугайся. Давай-ка рассказывай, как и чем живешь, что с родителями, с кем из родных виделся...

Они проговорили всю ночь. Мудро и спокойно рассказывала тетя Юля о том, что было с нею, выспрашивала о родственниках. Поставила на стол угощение — сама не притронулась к пище...

Утром он проснулся от приглушенных голосов. Комнатка была полна людей — и пожилых, и помоложе. Они суетились вокруг тети Юли, упреждая ее желания. Будто добрые духи. Она была уже причесана, одета, накормлена и напоена. Буквально на руках тетю Юлю унесли в церковь, там начиналось утреннее богослужение.

...В селе Смоленском, что близ древнего Ярославля, на церковном дворе высится небольшой холмик с крестом. «Царство небесное рабе Божьей Юлии Николаевне Кувокиной» — читают по слогам прихожане, останавливаются, осеняют себя крестом и низко кланяются, не зная ни этой женщины, ни ее судьбы. Проходил там однажды и я, прошептав молитвенное: «Да святится имя Твоё!»

Анатолий ШИШКИН, наш читатель из г. Осинники Кемеровской области.

Комментарии
